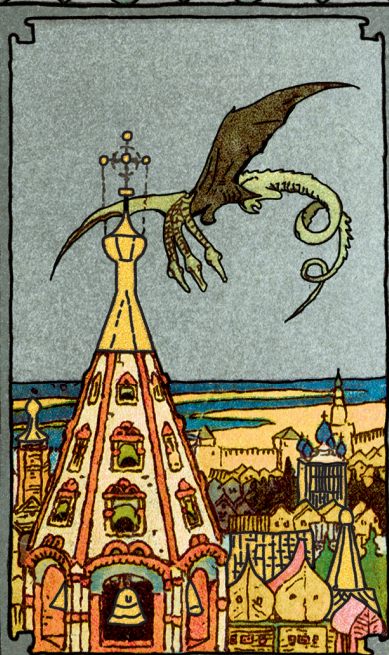
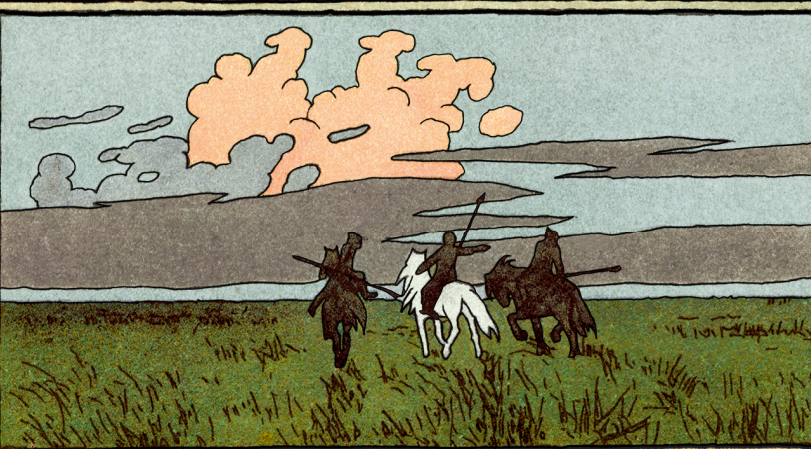
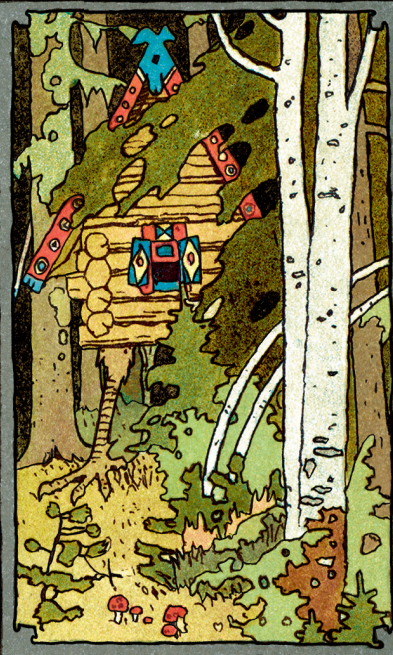

СКАЗКИ

*****
Сестрица Аленушка
Братец Иванушка.
*****
✦ БѢЛАЯ Уточка ✦
*****

Рисунки
Н. А. Билибина.
ЗОЛОТОЙ ВЕК КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван Яковлевич Билибин (1876—1942) — выдающийся русский художник, мастер книжной графики и театрально-декоративного искусства. Особенную популярность завоевали его иллюстрации к русским народным сказкам и былинам, к сказкам А. С. Пушкина, воссоздающие красочный мир отечественной старины и фольклора. Используя декоративные приемы древнерусского и народного искусства (вышивки, лубки, иконы), художник создал свой «билибинский» графический стиль.

А началось все с сотрудничества с Экспедицией заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). Осенью 1899 года 23-летний Иван Билибин принес в Экспедицию иллюстрации к трем народным сказкам. В это время управляющим ЭЗГБ был академик, князь Борис Борисович Голицын. С момента прихода на эту должность он поставил перед собой цель: превратить Экспедицию в учреждение, «которое должно было служить примером подражания для всей бумажной и печатной промышленности России и, кроме того, способствовать культурно-эстетическому развитию народа, выпуская отпечатанные на хорошей бумаге художественно-иллюстрированные издания русских классиков и популярные сочинения по всем отраслям науки». Рисунки к сказкам очень понравились, и после появления трех сказок, печатать которые предложил сам художник, Экспедиция заказала художнику иллюстрации еще к трем народным сказкам и к трем сказкам Пушкина.

Это издание впервые с максимальной точностью воспроизводит книгу «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка, Белая уточка», опубликованную «Экспедицией заготовления государственных бумаг» в 1903 году.

О Т П Е Ч А Т А Н О
Типография "Спалву сленис"
Гележинио Вилко ул. 2,
LT-03150 Вильнюс, Литва

BOOKPRINT.LT

ISBN 978-5-9603-0283-8
ISBN 978-609-456-176-4

© ООО «СЗКЭО», 2014
© BESTIARY, 2014

Сестрица Аленушка и братец Иванушка.

Идут двое сироток — сестрица Аленушка с братцем Иванушкой по дальнему пути, по широкому полю, а жар-то, жар их донимает.

Шли, шли, шли... солнце высоко, захотелось Иванушке пить: «Сестрица Аленушка, я пить хочу!» — «Подожди, братец, дойдем до колодца». Колодезь далеко, а жар донимает, пот выступает. Идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров. «Я хочу пить», — говорит Иванушка. «Не пей, братец, а то будешь теленочком», —

говорит Аленушка. Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей. «Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется». — «Не пей, братец, а то сделаешься жеребеночком». Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец. «Ах, сестрица, мне страшно пить хочется». — «Не пей, братец, а то будешь баранчиком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней. «Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется». — «Не пей, братец, а то будешь поросеночком». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасется у воды стадо коз. «Ах, сестрица, я напьюся». — «Не пей, братец, а то будешь козленочком». Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собой, а сама-то плачет, горько плачет... Козленочек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидели и тотчас доказывают царю: «У нас, ваше царское величество, в саду козленочек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица». Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени? «Так и так, — говорит Аленушка, — был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козленочком». Люди доложили все это царю. Царь позвал Аленушку, расспросил обо всем; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними — гуляет себе по саду, а пьет и ест вместе с царем и царицей.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу: «Али ты чем нездорова?» — «Да, хвораю», — говорит царица. На другой день царь опять поехал на охоту. Аленушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит: «Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду». Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила в море. Аленушка пошла на дно; козленочек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицей и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на

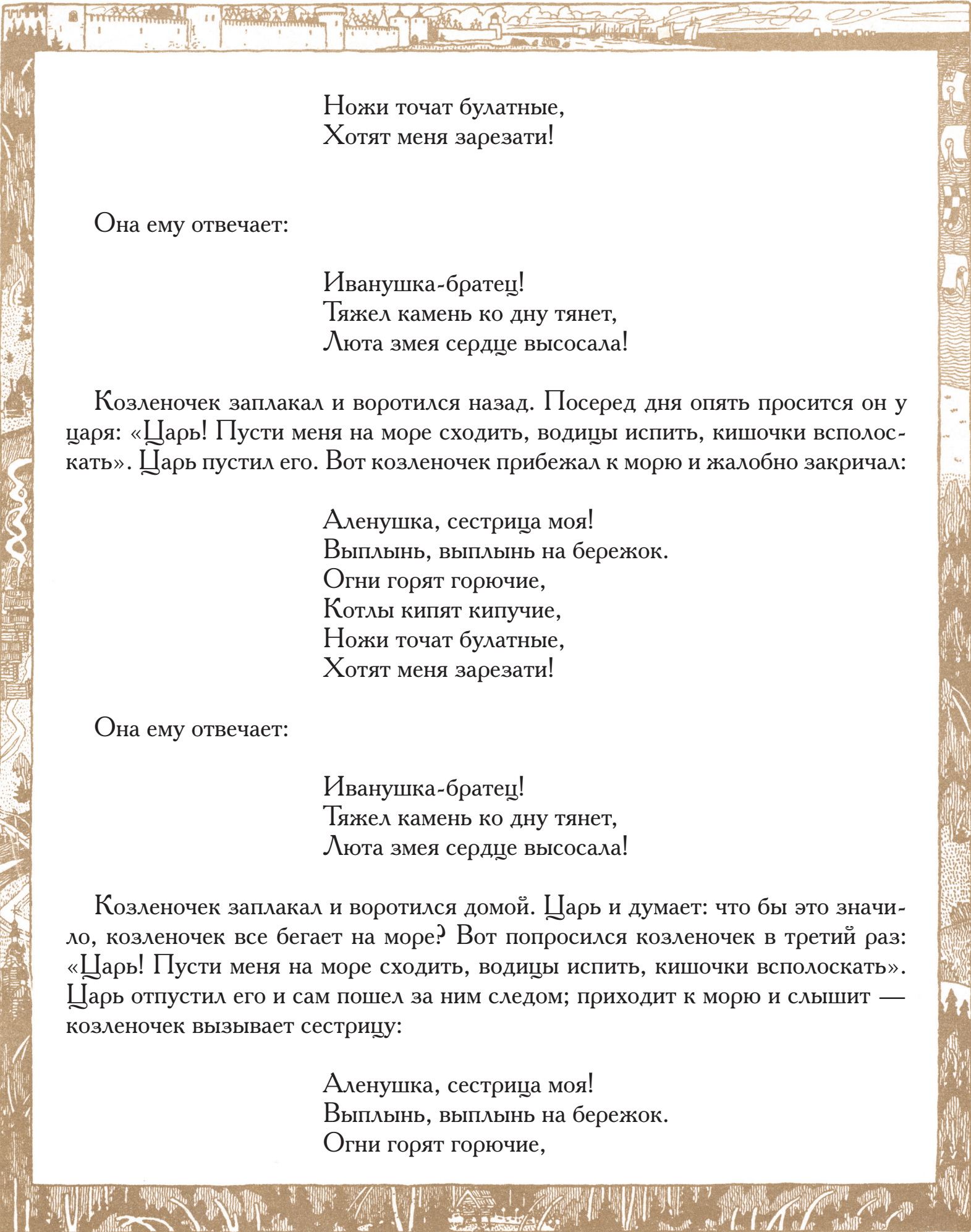

стол и сели обедать. «А где же козленочек?» — спрашивает царь. «Не надо его, — говорит колдунья, — я не велела пускать; от него так и несет козлятиной!» На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила и грозит ему: «Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать». Приехал царь; колдунья так и пристает к нему: «Прикажи да прикажи зарезать козленочка; он мне надоел, опротивел совсем!» Царю жалко было козленочка, да делать нечего — она так пристает, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позволил его зарезать. Видит козленочек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горячие,
Котлы кипят кипучие,

Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплыви, выплыви на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козленочек все бежит на море? Вот попросился козленочек в третий раз: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь отпустил его и сам пошел за ним следом; приходит к морю и слышит — козленочек вызывает сестрицу:

Аленушка, сестрица моя!
Выплыви, выплыви на бережок.
Огни горят горючие,

Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек опять начал вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень и вытащил Аленушку на берег, да и спрашивает: как это случилось? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козленочек тоже — так и прыгает, в саду все зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костер дров и сожгли ее. После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили, и ели.

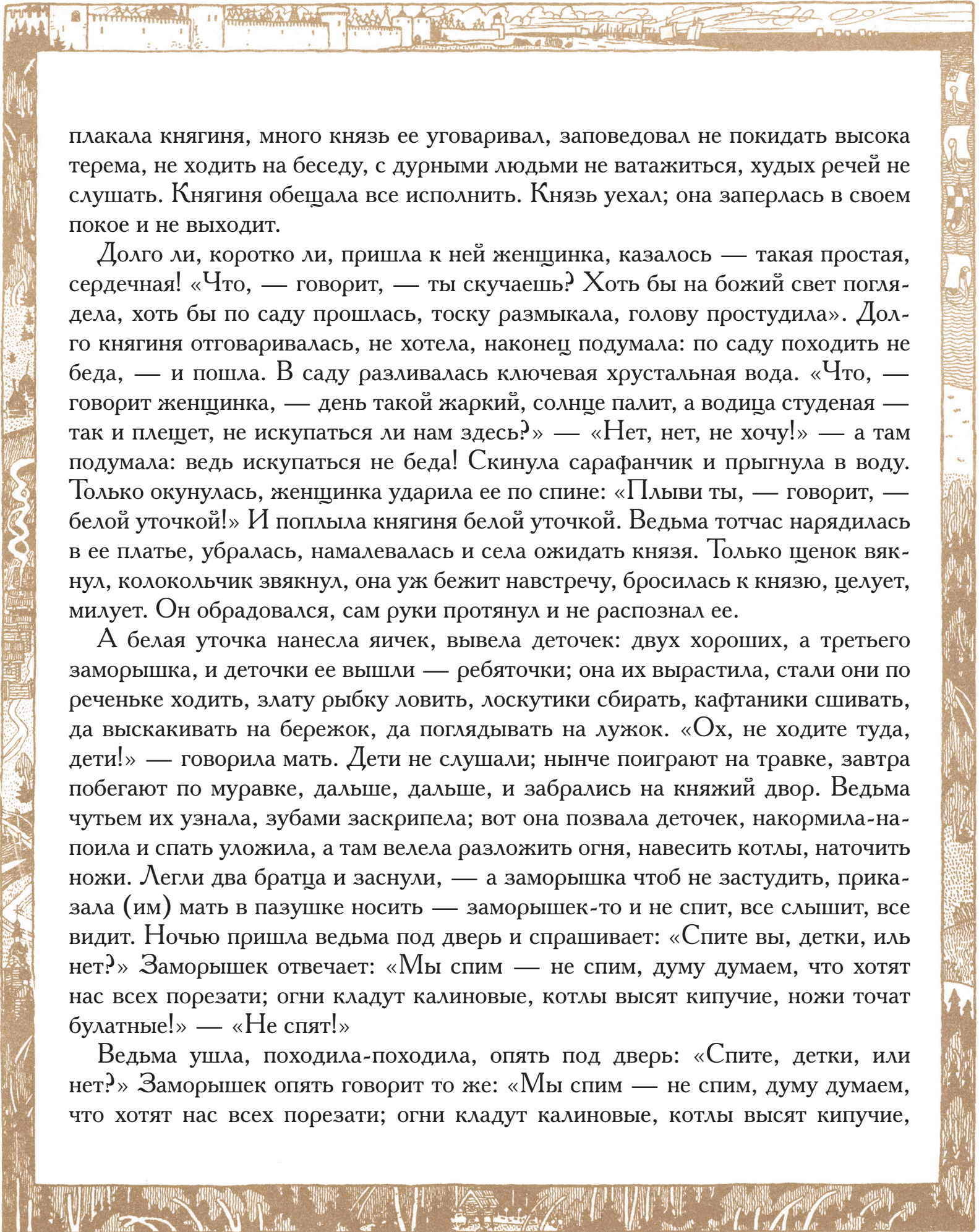

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много

плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушать. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная! «Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, — и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» — а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине: «Плыви ты, — говорит, — белой уточкой!» И поплыла княгиня белой уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» — говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, — а заморышка чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, или нет?» Заморышек отвечает: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Не спят!»

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие,

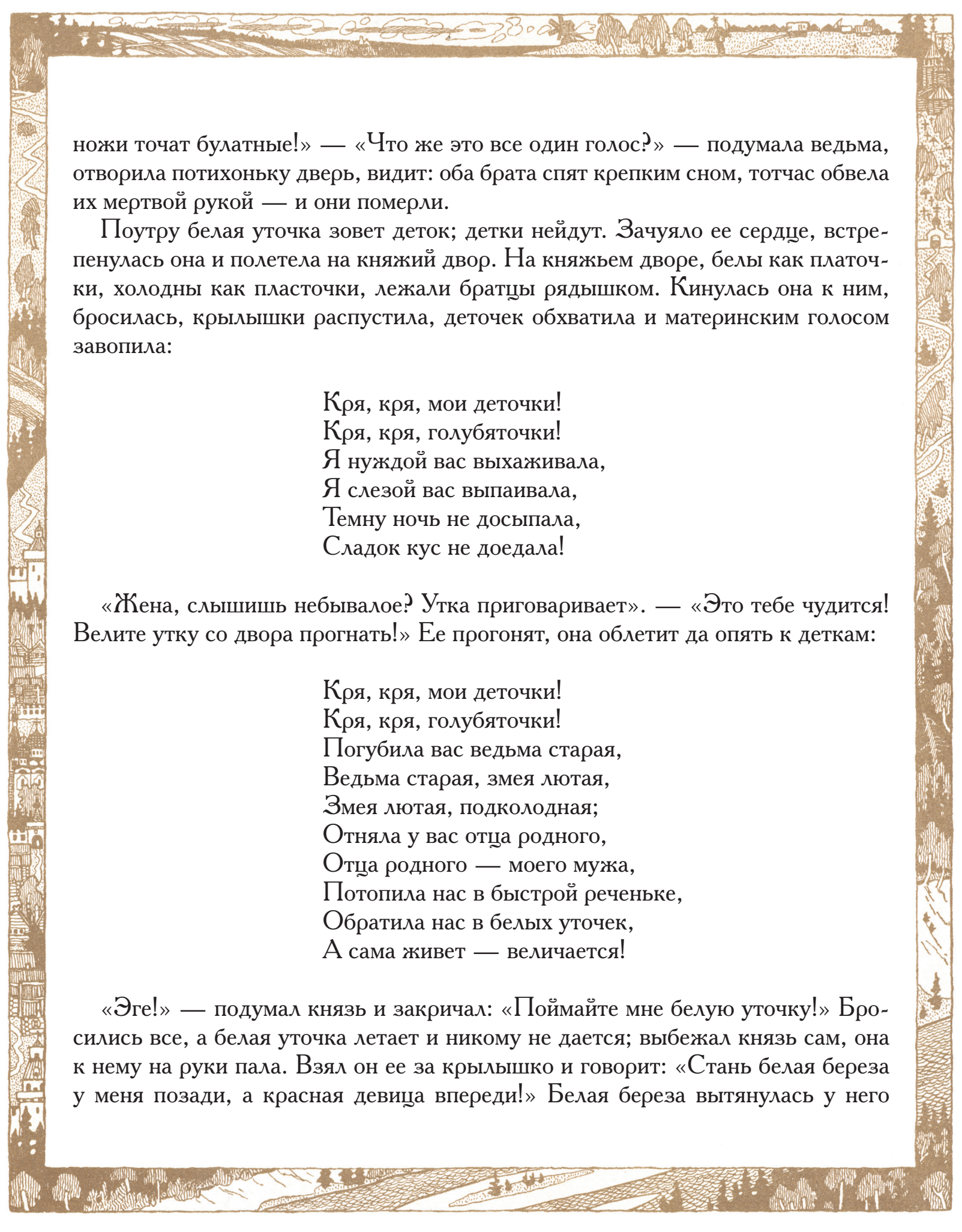

ножи точат булатные!» — «Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

«Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает». — «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколотная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал: «Поймите мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит: «Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!» Белая береза вытянулась у него

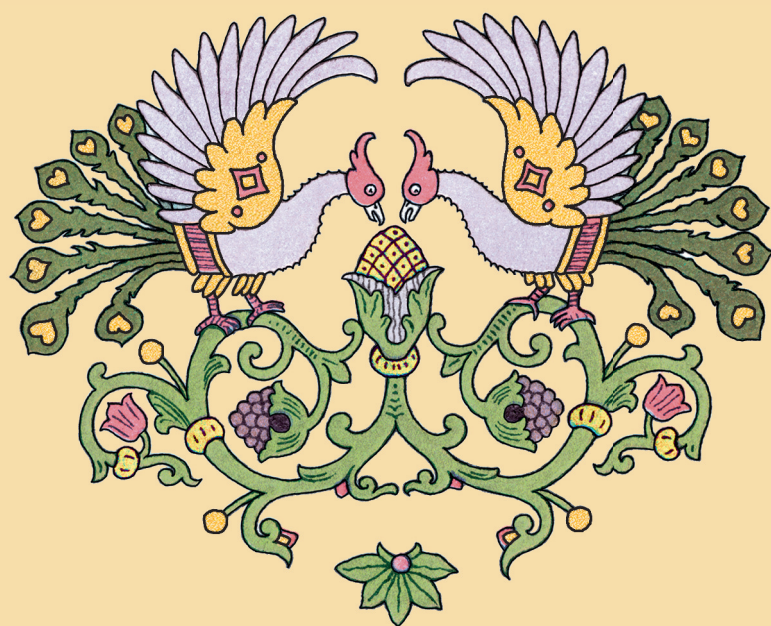
позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящей водой — они встрепнулись, сбрызнули говорящей — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от нее ни следа, ни памяти!

ISBN 978-609-456-176-4

9 786094 561764 >

EAC

6+